

Аделаида Николаевна Паевская

**Вальтер Скотт. Его жизнь и
литературная деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
А29

A29 **Аделаида Николаевна Паевская**
Вальтер Скотт. Его жизнь и литературная деятельность / Аделаида Николаевна Паевская – М.: Книга по Требованию, 2012. – 72 с.

ISBN 978-5-458-04180-5

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии "Жизнь замечательных людей", осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся "для простых людей", для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы - профессия.

ISBN 978-5-458-04180-5

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

А. Паевская
Вальтер Скотт. Его жизнь
и литературная
деятельность

Биографический очерк А. Павловской

С портретом Вальтера Скомтма, гравированным в Лейпциге Геданом

Глава I. 1771-1792

Предки В. Скотта. – Семья его. – Раннее детство. – Жизнь в Санди-Ноэ. – Возвращение в родительский дом. – Школа. – Университет. – Будущий романист получает звание адвоката.

Семья Вальтера Скотта принадлежала к большому и воинственному шотландскому клану. Отец его, единбургский стряпчий, первый во всем своем роде поселился в городе и избрал оседлую профессию.

Вальтер Скотт, отец Скотта. *Портрет, приписываемый Роберту Харви, ок. 1754.*

Предки писателя, Скотты из Гардена, упоминаются в истории Шотландии с XI века. Они были в родстве с древним родом герцогов Буклью и жили в Гарденском замке на шотландском порубежье, то есть в пограничной зоне между Южной Шотландией и Северной Англией. Замок стоял в узкой и глубокой долине, орошаемой горным потоком, впадающим в Тевиот. Массивные развалины его еще существуют и возвышаются на крутом берегу, окруженные старинными вязами. Отсюда мужественные и беспокойные порубежники производили свои набеги на соседей, отбивали у них скот и грабили их имущество. Самым знаменитым из предков романиста был Вальтер Скотт, живший в царствование Марии Стюарт и известный под именем старого Ватта из Гардена. О нем и его красавице жене сохранились многочисленные предания, из которых мы можем составить себе понятие об образе жизни порубежных воинов. Старый Ватт обыкновенно выезжал на добычу в сопровождении многочисленных слуг и товарищей. Награбленное добро прятали в глубине непроходимого ущелья по соседству со старою Гарденской башней, как назывался замок. Из ущелья скот постепенно приводили на убой в замок. Когда последняя корова была убита и съедена, жена старого Ватта подавала на стол пустое блюдо, на котором лежала только пара ярко вычищенных шпор – намек всадникам, чтобы они позабочились о будущей трапезе.

Сын старого Ватта, впоследствии сэр Вильям Скотт, осыпанный милостями шотландского короля Якова VI, был достойным имени своего отца. Во время одного из своих набегов на земли сэра Гидеона Муррея из Элибанка он был взят в плен. Предание гласит, что ему предложили на выбор: либо быть повешенным, либо жениться на «большеротой Мэг», самой безобразной из трех дочерей сэра Гидеона. Сэр Вильям был красивый молодец. Он выпросил трех-

дневную отсрочку для размышления и кончил тем, что предпочел жизнь, хотя бы и в обществе некрасивой жены. Мэг, оказавшаяся примерной женой, передала свой большой рот потомству, в том числе и Вальтеру Скотту.

Между предками романиста, кроме смелых удальцов-порубежников, были также ученые, например сэр Майкл Скотт, писавший в XIII веке и известный своими сочинениями по астрономии, алхимии и естественным наукам, за что прослыл между современниками колдуном. Другой предок писателя, также называвшийся Вальтером, напечатал в XVII веке в стихах «Историю знаменитого рода Скотов». Внук старого Ватта из Гардена был дедом отца романиста; он также носил имя Вальтер и был известен в долине Тевиота под прозвищем Бородатый, потому что не стал брить бороды после изгнания Стюартов; он потерял все свое состояние, интригую в их пользу, и сам даже брался за оружие, рискуя быть повешенным за государственную измену. От своего бородатого предка Вальтер Скотт наследовал известную слабость к Стюартам, которых, впрочем, вовсе не оправдывал.

У Бородатого было три сына; второй, Роберт, дед романиста, сначала поступил в морскую службу, но, испытав в первом же своем плавании кораблекрушение, почувствовал такое отвращение к морю, что безусловно отказался от вторичного плавания. Рассерженный отец не мог простить ему этого и отрекся от него. Предоставленный самому себе, Роберт перешел на сторону вигов и обратился за помощью к своему родственнику и феодальному вождю, мистеру Скотту из Гардена, который дал ему в аренду ферму Санди-Ноэ; среди ее утесов возвышаются развалины Смальгольмской башни, воспетой впоследствии Вальтером Скоттом. Роберт Скотт начал свое хозяйство, наняв пастуха по имени Гагга, который изуважения к роду Скотов доверил новому своему хозяину все свое состояние, равнявшееся тридцати фунтам стерлингов. С этой суммой господин и слуга отправились на ярмарку покупать овец. Они долго выбирали их, но когда пастух наконец нашел таких овец, каких им было нужно, то увидел, что господин его гарцуя на прекрасном коне, только что купленном на весь наличный капитал. Эта спекуляция, впрочем, была удачна: через несколько дней Роберт так ловко показал достоинства своего коня на охоте у Джона Скотта из Гардена, что продал свою покупку за двойную цену. После этого он больше не занимался никакими спекуляциями, но устроил свою ферму и первым завел торговые сношения между горной Шотландией и главными английскими графствами, и при этом нажил порядочное

состояние. Роберт Скотт был среднего роста, деятелен, энергичен, горяч, проницателен, строго честен и так славился повсюду своим знанием сельского хозяйства, что все соседи обращались к нему за разрешением спорных вопросов. Благородное происхождение обеспечивало ему доступ в лучшее общество графства, а искусство в охоте и рыбной ловле делало его приятным товарищем и интересным застольным собеседником. Отец Вальтера Скотта был старшим из многочисленных детей Роберта. Это был формалист, глубоко убежденный в необходимости строгого воспитания, страстно любивший порядок и аккуратность; он не ценил даже хорошей книги без хорошего переплета и более всего выходил из себя при необходимости какого-нибудь отступления от «благоустроенной гармонии домашнего обихода». Вальтер Скотт, говоря о своем отце, упоминает, что он был красив собою, причем отличался мягкостью, добротой, большоюдержанностью и набожностью. Он с замечательным достоинством умел руководить всякими официальными церемониями и «безусловно любил похороны». Он даже держал у себя список многочисленных родственников, дальних и близких, для того, чтобы иметь возможность присутствовать на их похоронах, которыми его часто просили распоряжаться. «Я подозреваю, — прибавляет романист, — что ему не раз приходилось платить за них. Он при всякой возможности возил меня с собою на эти погребальные церемонии; но я, чувствуя, что не могу, подобно ему, приносить там пользу или служить украшением, старался насколько мог избавиться от этих поездок». В политике старик Скотт был сторонником свободы, но в то же время убежденным монархистом.

Мать Вальтера Скотта, урожденная Резерфорд, была небольшого роста и не отличалась красотою. Она получила лучшее воспитание, чем большинство современных ей шотландских женщин. Для усовершенствования в науках и манерах ее поручили некоей миссис Опсильви, которая так умела муштровать своих воспитанниц, что г-жа Скотт, будучи уже восьмидесятилетней старухою, не смела спокойно усесться в кресле и прислониться к его спинке, точно все еще находилась под наблюдением суровых очей своей воспитательницы. Г-жа Скотт была нежною и доброю матерью, отличалась веселым характером, наблюдательностью, юмором и любовью к ста-ринным шотландским балладам, легендам и сказкам, которые прекрасно умела рассказывать.

Аниа Резерфорд, мать Скотта, в старости. Портрет работы Дж. У. Гордона.

После ее смерти Вальтер Скотт писал о ней леди Луизе Стюарт:

«Ее ум отличался приобретенными сведениями и природною талантливостью; и так как она была очень стара и обладала прекрасною памятью, то умела своими рассказами очертить поразительную картину прошлых времен. Если я достиг чего-либо в описаниях старины, то во многом обязан ей». Накануне того дня, когда ее разбил паралич, она рассказывала «с величайшею точностью настоящую историю ламермурской невесты» и указывала на то, чем эта история разнится от романа того же названия, написанного ее сыном. Она помнила имена всех действующих лиц и объясняла их родство с существующими семействами.

Вальтер был горячо привязан к своей матери и часто упоминал о ее нежности и доброте к нему. Душеприказчики, открывая рабочий стол Вальтера Скотта после его похорон, нашли там разные старомодные вещицы, украшавшие туалет его матери, когда он ребенком спал в ее уборной: пакетики с волосами ее умерших детей, табакерку ее мужа и разные вещи в том же роде.

Вот что сам Скотт пишет о своей семье:

«У моих родителей было очень много детей, я думаю – не менее двенадцати; из них некоторые были весьма способны, хотя только пятеро пережили раннее детство. Мой старший брат Роберт был моряком в королевском флоте и принимал участие в большей части битв Роднея. Он отличался смелостью и гордостью, и в его обхождении со мною проглядывало капризное самовластие. Он имел большую склонность к литературе, читал стихотворения со вкусом и толком и сам писал стихи, которые весьма ценились его товарищами. Роберт очень приятно пел (талант, которого я никогда не проявлял), имел сведения по практической механике и, будучи в хорошем расположении духа, умел отлично рассказывать о своих похождениях и о пережитых им опасностях. В дурном расположении он заставлял нас практически знакомиться с дисциплиною военного корабля и беспощадно дрался.

Джон Скотт, мой второй брат, года на три старше меня, находился на военной службе.

У меня была только одна сестра Анна, которую судьба избрала как бы мишенью для своих ударов. Детство ее отличалось тем, что она с трудом спасалась от самых необыкновенных случайностей и опасностей. Я помню, как калитка в Сен-Джорджском сквере, захлопнувшись от ветра, едва не раздавила ей руку. В другой раз она едва не утонула в пруду, или яме с водою, в том же сквере. Но самым несчастным случаем, произошедшим с нею в то время, когда ей только что минуло шесть лет и, тем не менее, бывшим впоследствии

причиною ее смерти, было то, что однажды загорелся ее чепчик. Она находилась одна в комнате, и раньше, чем могла подоспеть помочь, ей сильно опалило голову. После продолжительной и опасной болезни она выздоровела, но никогда уже больше не была вполне здорова.

В 1801 году бедная Анна умерла после скоротечной болезни. Ее нрав, как и характер братьев, отличался некоторыми особенностями; она, пожалуй, была даже страннее других – вследствие оказываемой ей снисходительности. Будучи в сущности любящей и доброй девушкой, не лишенной способностей и нежных чувств, она жила в идеальном мире, созданном ее воображением. Анна была на год моложе меня. За нею следовал брат Томас. Последний и самый несчастный из нашей семьи был мой младший брат, Даниэл. Отличаясь тем же отвращением к труду, или, лучше сказать, тою же упорною беспечностью, что и все мы, он не обладал ни быстротою ума, могущею заменить недостаток прилежания, ни гордостью, заставляющею предпочитать зависимости и пренебрежению самый ненавистный труд. Его жизнь была настолько печальна, насколько этого следовало ожидать при таком грустном сочетании условий; после нескольких попыток пристроиться он умер по возвращении из Вест-Индии в 1806 году.

Школьный проезд. На этой улице находился дом, в котором родился Вальтер Скотт. Рисунок цветным карандашом Джеймса Драммонда, 1856

Перейду теперь к моей собственной истории. Я родился, насколько знаю, 15 августа 1771 года. Я был необыкновенно здоровым ребенком, но едва не умер из-за того, что первая моя кормилица хворала чахоткою. Ее отослали и взяли другую, здоровую крестьянку, которая до сих пор жива и хвастает тем, что „ее мальчишечка“ стал „большим барином“. Пока мне не минуло полтора года, я выказывал все признаки здоровья и силы. Однажды вечером, как мне часто впоследствии рассказывали, я ни за что не хотел даться в руки тем, кто должен был уложить меня в постель, и все бегали по комнате; наконец меня поймали и с трудом уложили спать. Это был последний раз, когда мне удалось показать проворство. Утром заметили, что у меня лихорадка, часто сопровождающая прорезывание коренных зубов. Она продолжалась три дня. На четвертый, когда меня, по обыкновению, стали купать, то увидели, что я не владею правой ногою... Составили консилиум, в котором приняли участие мой дед, прекрасный анатом и врач, затем уважаемый покойный Александр Вуд и многие другие медики. Оказалось, что нет ни вывиха, ни ка-